

Галина Малькова

ДЕТИ — ЦВЕТЫ ЖИЗНИ

Галина Малькова

Дети – цветы жизни

«Издательские решения»

Малькова Г. П.

Дети – цветы жизни / Г. П. Малькова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859904-0

«Дети — цветы жизни» — записки моей мамы о ее двух сыновьях, мне и внуке Марке. Живые впечатления по горячим следам быстро вырастающих детей. Эпоха жизни в Советском Союзе является контекстом этих записок.

ISBN 978-5-44-859904-0

© Малькова Г. П.
© Издательские решения

Содержание

Искры памяти	6
Начало войны	8
Школьные годы далекие	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дети – цветы жизни

Галина Петровна Малькова

Фотограф Изольд Борисович Гинзбург

© Галина Петровна Малькова, 2017

© Изольд Борисович Гинзбург, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-9904-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Искры памяти

Как искры освещают на мгновение пространство вокруг, так и память выхватывает из далекого детства отдельные сцены, события, эпизоды. Что же помнится из самого раннего детства? Конечно родители.

Папа – Петр Ильич Мальков – высокий стройный, со всеми доброжелательный, со мной всегда веселый и шаловливый. Мы с ним часто баловались, смеялись. Он любил сидеть у печки на низенькой табуретке, я пристраивалась у его ног. Мы могли подолгу тихо сидеть и смотреть на огонь. Если папа оказывался дома в то время, когда мне следовало спать, то он пел колыбельную Моцарта «Спи, моя радость, усни». И я засыпала. Иногда, лежа в постели, я разглядывала обои с большими цветами, населяя их вымышленными человечками, которые бродили в густых зарослях. Частенько, как только меня отдавали в детский сад, я болела, приходилось лечиться и сидеть в постели. Из одеяла и подушек я создавала как бы пейзажи с горами, речками, пещерами. Карандаши играли роль человечков, которые прятались, дрались, играли. Так я могла часами придумывать различные сюжеты.

Мама – Евгения Израйлевна Райкина – по образованию педагог и экскурсовод, водила меня в музеи, рассказывала всякие исторические байки. Часто у нас собирались гости – мамы сестры и братья, готовили незамысловатые, но вкусные блюда, заводили патефон, танцевали. Тогда в моде была пластинка «Синий платочек», я нечаянно сделала на ней царапину и очень переживала по этому поводу. Мама принесла из библиотеки книгу «Три толстяка», переворачивая страницы, я оторвала уголок и тоже волновалась, что маму будут ругать из-за меня.

Папа очень много времени проводил на работе, при этом он старался сделать маме существенный подарок. Вместе с бабушкой они целую ночь отстояли в очередь чтобы купить для мамы хороший материал. Однажды папа взял меня с собой на важное дело – покупку шкафа, постояли в очереди, купили, потом на тележке везли от Гостиного Двора до дома на улице Петра Лаврова.

Большим событием в довоенные годы был поход на спектакль «Синяя птица», который привез в Ленинград театр им. Вахтангова. Родители организовали поход своих друзей, но билетов достали меньше, чем было желающих. Меня тоже взяли. Пришлось применять какие-то хитрости. Спектакль произвел на меня огромное впечатление, несколько дней я разыгрывала дома сценки, а по ночам снились сны, как продолжение спектакля.

Обычно в мае бабушка отправлялась в деревню Гусино Смоленской области, где у нее имелся дом. Однажды меня отвозил туда папа. Мы поехали через Москву, где у него оказались дела. Больше всего меня потрясло метро, особенно эскалаторы. В вагоне поезда мы играли в детские игры, которые приобрели в Москве. На какой-то остановке мы вышли купить горячей картошки, соленых огурчиков и простой пищи, что подносили к вагонам хозяйки. Когда вернулись, игр не оказалось. Это меня страшно удивило и огорчило. Так случилась у меня первая кража.

В Гусино для папы всегда находилась работа. Помнится, занялся он починкой крыши из щепы. В глаз ему попала соринка, глаз покраснел и припух, пришлось обращаться в медпункт, куда я его сопровождала. В свободное время папа собирал небольшую группу ребятшек, и мы ходили в лес, купаться на речку, смотреть мельницу.

Однажды меня положили в больницу на улице Чайковского. Лежу в палате, вдруг слышу папин голос: «Где тут лежит Галя Малькова?». Я сразу отозвалась. Папа прошел нелегально, принес мне передачу, но самая большая радость – сам визит. Когда я поправилась, в воскресные дни мы с папой часто ходили в Таврический сад по бульвару и в саду я каталась на маленьких лыжах.

Перед войной ко дню рождения мне подарили роскошный подарок – маленький столик и два стульчика. Потом папа купил металлический конструктор, и мы вместе собирали из деталей разные изделия: лифт, тачки, колясочки для кукол. Я играла роль помощника, но все равно чему-то училась.

Читать я не умела, но быстро запоминала стихи и где следует переворачивать страницу, поэтому казалось, что я читаю.

Начало войны

В мае бабушка уезжала в Гусино и брала меня. Я уже выросла и готовилась к школе. С местными ребятами мы ходили на речку и лес, где все было бело от подснежников. В начале июня мы заметили какие-то странные эшелоны из теплушек, в которых везли людей. Иногда эшелоны подолгу стояли на путях, люди сквозь решетки просили хлеба и питья, но солдаты не подпускали к ним никого. Война еще не началась. Только через много лет я поняла, кого везли в теплушках как скот. Это вывозили из Прибалтики людей, которых считали ненадежными элементами. Так что не стоит удивляться сегодняшнему не слишком доброжелательному отношению к бывшим военным в Прибалтике.

Начало войны мы почувствовали сразу, быстро научились отличать по звуку наши самолеты от немецких, начались бомбежки строений и железнодорожных составов. Сначала мы бегали в лес прятаться от бомбежек, но скоро стало ясно, что немцы очень быстро приближаются. Бабушка приняла совет знакомого железнодорожника, закопала в огороде всякую кухонную утварь, собрала самые необходимые документы, деньги и вещи, и вместе со мной отправилась в Ленинград. Возможно это был последний поезд. Все оставшиеся в деревне погибли.

Дорогой поезд часто останавливался, попадал под бомбежки. Иногда случались остановки в чистом поле, высокие травы, цветущие ромашки и колокольчики. Хотелось нюхать цветы и любоваться ими. Но прилетали немецкие самолеты и обстреливали людей на бреющем полете, после налета не все продолжали путь.

В конце концов добрались мы до Ленинграда. С начала войны из города стали вывозить военные заводы. Мой папа тоже должен был уехать со своим заводом, но так как меня еще не привезла бабушка из деревни, отъезд сначала отложился, а потом и вовсе не состоялся. Папу часто отправляли загород руководить рытвем заградительных сооружений. Мама поняла, что немцы быстро приближаются к городу, и старалась сделать хоть какие-нибудь запасы. Если что-то съестное продавалось, мы всегда выстаивали любые очереди и покупали продукты будь то овощи, сухофрукты, орехи.

В первую же бомбежку в наш дом на улице Петра Лаврова попала бомба, разрушился угол дома. Сначала мы собрали чемоданы и перебрались жить к знакомым, боясь, что дом рухнет при следующих бомбежках, но вскоре привыкли, решили положиться на судьбу и вернулись в свою комнату. Хорошо помню зарево пожара, когда горели Бадаевские склады. Все сложнее становилось получить продукты по карточкам, нормы уменьшались, очереди росли.

Когда я оставалась дома одна, мне становилось и скучно, и страшно. В школу меня не отдали. Чтобы как-то развлечься, я рисовала или пела песни, или ставила перед собой никелированный электрочайник, корчила рожи и беседовала со своим кривым отражением – этим отвлекалась.

Папа особенно страдал из-за отсутствия курева. До войны он набивал папиросы табаком и ставил их в шкаф. Он любил представлять будто папиросы появляются сами, надо только произнести волшебное заклинание. Я говорила: «Давай, произнеси волшебные слова, может быть появится коробочка». Чудес не происходило, наоборот приходили несчастья.

Вечером 15 ноября мама узнала, что в кондитерском магазине на талоны вместо сахара будут давать пирожные. Мы отправились в магазин, мне очень не хотелось идти, я отговаривала маму. Приближалось время бомбежки. Даже небо с грозными тучами и луной наводило страх. Мы пришли в магазин, началась бомбежка, всех отправили на лестницу, считалось, что это самое надежное место. В полной темноте мы стояли на лестничной площадке, прислонившись к двери. Я задремала. Проснулась от грохота, скрежета, криков и стонов, сыпались стекла и камни. Я кричала: «Мама, мама». Ответа не было. Толпа увлекла меня за собой. Дальше провал памяти. Несколько дней я пролежала без сознания в медпункте. Когда сознание верну-

лось, я назвала свое имя и адрес. У меня оказалась переломана ключица правой руки, ранения в голову и спину. Через некоторое время появился папа. Он плакал, на вопрос «где мама?», отвечал, что она ранена и лежит в другой больнице.

Когда я немного поправилась, меня взяли к себе жить мамыны сестры Бэла и Лиза, и бабушка. Они жили на Васильевском острове в крохотной комнате. Папа остался жить один в холодной нетопленной комнате, продолжая работать. Иногда он приходил навещать меня, но все реже и реже, а потом совсем перестал. Мне сказали, что его взяли на фронт, но письма не приходили. Мне так и не сказали, я догадалась сама, что мои родители погибли.

Тетя Бэла работала на заводе, тетя Лиза заканчивала институт иностранных языков. Бабушка стояла в очередях за хлебом или ходила на рынок, чтобы выменять вещи на что-либо съестное. В конце зимы мы стали готовиться к эвакуации, сначала собирались все вчетвером, но потом бабушка и Бэла остались, и мы с Лизой отправились вдвоем.

Помню такую картину. Отъезжающим выдали паек: кашу и какие-то продукты. Мы не стали все сразу съесть, оставили на «потом», но вскоре при луне доели остатки.

Помню холод, пробирающий до костей, пока ждали погрузки на машины, чтобы проехать по Ладожскому озеру. Проехали до Кабоны, там дождались товарного поезда, погрузились в теплушки. Куда нас везут, толком никто не знал, но говорили, что на Кубань, немного подкормить.

Всплывают в памяти несколько картинок. Как-то просыпаемся от жуткого холода, открыв глаза, вижу, что все кругом бело от снега, не могу понять, где мы очутились. Оказалось, что поднялась метель, и через щели намело столько снега, что казалось мы в поле, а не в теплушке. К нашему счастью на какой-то остановке подсели несколько мужиков, нормальных, не блокадников. Они напилили дров, растопили печку, заткнули дыры. Потом новое происшествие. Люди спустились с верхних нар, стараясь разместиться поближе к печке. Кто попроворней, поставил свой котелок на эту вагонную буржуйку вскипятить воду, чтобы сварить кашу из концентрата (дорогой выдавали пайки в виде брикетов с пшенной кашей и сухарей). Вдруг раздался страшный взрыв, крышка печки отлетела в сторону, брызги каши и горячей воды полетели на всех сидящих вокруг. Крик, паника. Куда бежать? Поезд продолжает двигаться. Благодаря все тем же толковым мужикам, разобрались что случилось. Нашли покореженную алюминиевую фляжку. Одна женщина сунула эту фляжку внутрь печки, вода превратилась в пар, фляжка взорвалась, подняв в воздух тяжелую чугунную крышку печки со всем, что на ней варилось. К большому счастью крышка печки отлетела к двери, где никого не было. Головешки и искры быстро затушили. Стали смеяться и прибираться.

Я очень боялась, когда на остановках Лиза отходила получить паек или за кипятком.

Наконец, недели через 2—3 состав добрался до Кубани, там всех выгрузили, кто не умер дорогой. Родной брат моего папы – Андрей Петрович Мальков жил в Краснодаре с женой и двумя дочками Любой и Аней. От станции Динской до Краснодара добрались сами. Нас встретили очень хорошо, хотя и со слезами. Тетя Шура старалась нас скорее подкормить и обогреть. К тому времени стало уже тепло. Война продолжалась, немцы приближались к Кубани. Лиза поторопилась продолжить путь на Дальний Восток. У нее было направление из института, а главная причина – в Биробиджане служил ее старший брат Миша, кадровый военный. Учитывая возможность нападения Японии, наша страна держала большую армию на Дальнем Востоке.

Итак, мы с Лизой едем на Дальний Восток в нормальном поезде, путь не близкий. Мелькают города, поселки, люди. Проезжаем Байкал, любуемся. Наконец добрались до места назначения – г. Биробиджан. Лиза послала телеграмму, но нас никто не встретил. Т.к. дядя Миша военный, то письма ему посылались на полевую почту. Мы долго искали комендатуру, ходили по городку из конца в конец. Наконец к нам подошел один лейтенант, он оказался приятелем

дяди Миши. Мишу отправили в командировку, поэтому он не встретил нас. Приятель отвел нас к дому, где Миша снял комнату. Скоро он вернулся.

Лиза первое время болела, потом и я к ней присоединилась, возможно, от всех переживаний и перемены климата. Мне снились страшные сны, что мы все едем и теряем друг друга, отстав от поезда. Иногда при луне я ходила по комнате, говорят, что во сне я бредила и кричала. Все постепенно направились. Лиза оформилась в школу преподавать английский язык. Меня решили подготовить к поступлению сразу во второй класс. Я интенсивно занималась с учительницей, арифметику освоила даже с опережением, а письмо мне давалось хуже, пропускала и путала буквы. Пошла сразу во второй класс, тогда учились вместе с мальчиками. Учительница была очень строгая, даже злая. Однажды она не отпустила нас на перемену. Мой сосед просился в туалет, но его не отпустили. Вдруг слышу журчание. Мальчик не мог больше терпеть до перемены, снял галошу и в нее написал. Виноват не мальчишка, а учительница, но скандал она устроила громкий.

Природа на Дальнем Востоке весьма сурова зимой сильнейшие снегопады, заносы, идешь в школу, ветер с ног сбивает, весной наводнения, выходит из берегов река Бира, она очень быстрая, течет с гор. Летом солнце сильно печет. Белье стирали на реке, намывают и разложат на травке под солнцем, потом сполоснут – все белоснежно. Но есть опасность уронить мыло в реку – унесет мгновенно.

Магазины в Биробиджане «работали», но купить нечего. Лиза спрашивает, есть ли какая-нибудь детская обувь, отвечают: «Есть, но с небольшим дефектом, оба ботинка на левую ногу». Кто-то из новых друзей выручил, подыскал довоенную обувь, оставшуюся от выросших детей. На зиму удалось купить на рынке валенки. Рынок вообще выручал, зимой там покупали замороженное молоко, рыбу, ягоды. Иногда дядя Миша привозил рыбу с Амура – это был праздник.

Однажды Бог послал мешок картошки. В нашей комнате был подвал, туда и перенесли картошку, но она почему-то быстро закончилась. Мы залезли в подвал со свечкой, стали обследовать стены. Обнаружились горизонтальные ходы, а в них картошка. Это все работа мышей, наши запасы они преобразовали в свои. Часть картошки удалось вернуть.

У нашей хозяйки, у которой мы снимали комнату, женщины средних лет было шестеро детей. Старшая дочь уже взрослая, а младший совсем малыш – грудничок. Работала она в аптеке, получала мало, но никогда не унывала, приговаривая: «Бог даст день, даст и пищу». На крыльце жил поросенок. Однажды кто-то плохо закрыл клетку. Когда дядя Миша вошел в дом, поросенок выскочил на улицу. Миша бросился за ним, чтобы вернуть беглеца. Прохожий помог повернуть поросенка, но он продолжал мчаться, пробежал мимо дома и направился к железной дороге, где стояли составы. Миша забежал домой, схватил пистолет и выстрелил в поросенка. Когда я пришла из школы, в прихожей стол густой дым и пар. Хозяйка занималась разделкой пороса. Может быть его пристрелили раньше времени, но это лучше, чем дать ему убежать.

За огородом находились военные склады, а около них поля. Землю вскапывали тракторами и давали желающим офицерам, у которых были семьи, несколько соток для посадки картошки. Мы тоже занимались выращиванием картошки, приходилось ходить пешком по несколько часов, но дорога по сторонам была красивая, росли дикие ирисы.

Летом Лиза со школьниками старших классов отправилась в колхоз, а меня определили в лагерь, который находился на окраине городка. Помнится, что мы играли в войну. Боролись с полчищами клопов. Самое интересное событие – поход в колхоз на сбор ягод. Сборщики сначала наелись сами, потом собрали ягоды для лагеря и колхоза. Это был самый вкусный день.

К концу смены пришел ко мне Миша, сказал, что его переводят в другое место, оставил деньги для передачи Лизе. Куда мне из деть? Сунула кошелек под подушку. Не долго он там пролежал, украли. Я страшно огорчилась, но это не моя вина. Надо было оставить деньги директору, а мне просто сказать. Когда смена закончилась Лиза забрала меня в колхоз. Мы

долго добирались. Ехали на барже по Амуру, ночью слушали, как группа женщин пела грустные народные песни. В колхозе собирали и обрабатывали кукурузу. Варили свежие початки – очень вкусно. Спали на полу в каких-то бараках. Мне часто снился один и тот же сон с общим мотивом «Я вернулась в Ленинград». И каждый раз, просыпаясь, видела барак.

В третьем классе ввели раздельное обучение, сменились почти все ученики и учительница, на этот раз была не злая, а очень милая.

Во время каникул Лиза поехала навестить Мишу в другой городок. Я осталась одна в комнате. К тому времени мы жили в доме с одним длинным коридором и множеством комнат, каждая со своей печкой. Я стала топить печь, чтобы сварить картошку, надумила, чуть пожар не учинила. Нужно было и воду принести из колодца и мусор вынести. Удобства были во дворе, все обледенело, не упасть бы.

После третьего класса Лиза устроила меня в хороший лагерь, более отдаленный, в живописном месте. Там были и леса, и озера с лотосами, и места, где мы собирали лечебные травы. Для желающих сделали экскурсию во Владивосток. Родители внесли определенную сумму. Это оказалась замечательная поездка, нам показали город, самые знаменательные памятники и строения, а главное – море. Все запомнилось, но постепенно детали стерлись.

Война идет, но люди, пока живы, знакомятся, влюбляются. Лиза постепенно оправилась от голода и болезней и превратилась в молодую красивую женщину. В Биробиджане находился штаб, много офицеров знакомых дяди Миши и не знакомых. Она, конечно, обращала на себя внимание. Помню такую картину. На берегу реки Биры располагался парк, куда приходили отдыхать, погреться на солнышке, купаться. Какой-то поклонник Лизы поплыл на один из островков, нарвал букет красных лилий и, преодолевая сильное течение, плыл, держа букет цветов над водой. Ему с трудом удался этот заплыв. Река сильно относит по течению. Молодой человек выбрался на берег и преподнес Лизе цвета.

Ей очень хотелось пополнить свой скудный гардероб. Единственное, что имелось – это отрез панбархата из мамино довоенного запаса, который удалось привезти из Ленинграда. Время и место для шитья было выбрано не слишком подходящее. Нашлось какое-то захудалое ателье. Панбархат – материал трудный, да и портнихи привыкли шить военную форму. Платье вида не имело.

Самым ярким событием из культурной жизни на Дальнем Востоке оказался приезд еврейского театра Анны Гузик. Они дали несколько спектаклей. Театр был полон, хоть большая часть зрителей не знала языка. Лиза давала мне и своему спутнику некоторые пояснения, сюжет оказался незамысловатым. Спектакль был музыкальным, я пришла в полнейший восторг.

Еще помнится пожар на обувной фабрике, недалеко от дома, где мы жили. Народу прибежала масса, приносили воду в ведрах. Приехали пожарные машины. Картина пожара и пугает и завораживает. Поползли слухи, что подожгли нарочно. Гарь покрывает все ближайшие дома, еще долго напоминая о пожаре. Были еще всякие неприятные происшествия, но не буду вспоминать плохое.

У меня появились друзья, такие же босоногие ребята, как я. Мы играли в войну, в прятки. Я бегала быстро, частенько падала, все ноги были в синяках и царапинах. Да еще на ногах появились бородавки, которые доставляли большое неудобство при ходьбе. На счастье у Лизы оказался знакомый врач, который прижиг бородавки ляписом. Они вскоре засохли. Интересно, что перемена климата оказала на меня благотворное влияние. Хоть жизнь нашу не назовешь комфортной, однако болеть я перестала.

Я сучала по своему дяде Мише, раньше, когда мы куда-нибудь шли, он давал мне свой указательный палец, крепко держась за него, я чувствовала себя защищенной и гордой, что иду рядом с офицером.

Поклонников у Лизы хватало, и молодых офицеров и зрелых, был даже один охотник. Однако во время войны тема замужества волновала ее меньше, чем желание вернуться в Ленинград. В 1944 году дядю Мишу перевели под Москву, туда же переехала и тетя Бэла. Она работала в Москве в министерстве. Появилась надежда уехать с Дальнего Востока, которая вскоре и осуществилась.

Школьные годы далекие

В 1944 году мой дядя Миша, кадровый военный, артиллерист, служил под Москвой в деревне Горенки. Там стояли артиллерийские части и оттуда в дни салютов возили в Москву орудия.

Туда же переехала из Раменского тетя Бэла, она работала в Москве в министерстве. Мы с Лизой приехали с Дальнего Востока летом 1944 года. Лиза устроилась в Москве в школу преподавателем английского языка. Дорога была не близкая – пешком до электрички, около часа до Москвы и по городу, но рады были, что удалось как-то устроиться. Мы снимали небольшую комнатку в деревянном доме, где жила семья: мать с двумя дочерьми – девушками.

Бэла привезла бабушку, которая после эвакуации из блокадного Ленинграда жила в деревне Новгородской области у родителей зятя Николая Михайловича Кузьмина. Думаю, что ей там жилось не плохо. Когда Бэла привезла ее в Горенки, я удивилась ее толстоте. Говорила она с дочками в основном по-еврейски, соблюдала все требования еврейской религии, молилась по старому молитвеннику.

Я пошла учиться в 4 класс, училась хорошо. Друзья и подружки жили в соседних маленьких деревянных домиках. Зимой мы строили из снега крепости, играли в войну, катались на санках и коньках. У меня оказались коньки, которые вывезли из Ленинграда, думаю, что собирались использовать как обувь, ногодились и долго служили. Эти коньки мой папа подарил Лизе, потом они оказались у меня, затем я отдала их дочери Лизы Жене, потом они снова вернулись к моему сыну. Однако в Горенках я чуть не лишилась этих коньков. Однажды я пошла кататься на пруд вблизи дома, только надо было перейти шоссе и небольшой лесок. Возвращаюсь. Вдруг слышу: «Стой, снимай коньки!» Я и не подумала выполнять эту наглую команду, а припустила изо всех сил к дороге. Так я осталась при своих коньках, только одна больше не ходила.

На этом пруду вначале зимы случилось с нами небольшое происшествие. Грянули морозы, и мы пошли посмотреть на пруд. Высокие сосны, стоящие на берегу отражались в замерзшем пруду. Чтобы проверить лед, мы стали кидать камешки, палки, шишки – все отскакивало, и мы решили покататься по этому льду на ногах. Да не получилось, ноги сразу завязли в глине, ели-ели выбрались, вытаскивая обувь руками.

Во время весенних каникул случилось со мной следующее. Пошла я как-то днем одна в сельскую баню. Одежки складываешь в узелок и сдаешь гардеробщице. Она кладет узелок на полочку и дает номерок, который привязываешь на запястье. Входишь в мойку там пар, сначала ничего не видно, потом отыскиваешь тяжелую деревянную шайку, надо еще и место на лавке отыскать, помыть ее – окатить горячей водой. Непросто было справиться с краном горячей воды, струйки летят во все стороны, а потом надо донести тяжелую шайку по скользкому полу. Наконец я намылась и пошла одеваться. Получила свой узелок, и тут обнаруживаю, что нет ботинок. Оказывается, я забыла их сдать и кто-то украл. На улице был март месяц, пришлось идти домой босиком по снегу. Дорога длинная – несколько километров. Ноги замерзли, но я не простудилась. Однако сразу возникла проблема – нет запасной обуви. В чем ходить в школу? Какое-то подобие обуви смастерила бабушка, связала из разных ниток тапочки, нашла какие-то обрезки, годные для подошвы. Так я и ходила некоторое время, пока тетя Бэла не купила мне новую обувь в Москве, простояв целое воскресенье в очереди.

Весной я ходила в школу без шапки, через некоторое время у меня начало стрелять в ухе. Я долго терпела, ничего не говорила и дождалась, что уже не помогали бабушкины компрессы. Бэла повезла меня в Москву к специалисту. Врач посмотрел и сказал, что надо срочно прокалывать нарыв в среднем ухе, который может прорваться и гной пойдет в мозг. Сделали прокол, было очень больно, потом из уха долго шел гной, я пропустила много занятий в школе. Меня освободили от экзаменов, тогда в четвертом классе сдавали много экзаменов. Пока я сидела

дома, соседские ребята приносили разные книги. Самое сильное впечатление произвела книга «Собор Парижской Богоматери». Я научилась вышивать и вязать крючком.

Весной в лесочке мы собирали шишки и ими растапливали самовар. Около дома росли несколько яблонь, они цвели. Очень приятно было пить чай из самовара с хлебом и кусочками сахара вприкуску.

Из тех времен запомнилась одна история, которая произошла с дочерью хозяйки – Валентиной. Как-то поздним вечером около нашего домика в сильный мороз валялся мертвецки пьяный молодой солдатик. Время военное суровое. Однако Валентина, несмотря на протесты матери и сестры, втащила его в дом, отогрела, привела в чувство. Потом он стал приходить к ней. В то время она была беременна от лейтенанта, который временно снимал комнатку у них и потом сбежал. А этот спасенный солдатик женился на ней и признал ребенка своим. Как в сказке, да это и случилось под новый 1945 год.

Мимо по шоссе все чаще провозили орудия для салютов и наконец объявили о Победе. 9 мая мы поехали в Москву, все были счастливы, целовались, улыбались. Мы ели мороженое, ходили по улицам, потом пошли смотреть кино про Эдисона. Это был самый счастливый день для всех. Мамин брат Борис служил на Балтийском флоте, ему удалось сделать нам вызов для возвращения в Ленинград.

Помнится, что с Московского вокзала мы шли на улицу Петра Лаврова пешком. Сразу поразила пустыньность улиц, много разрушенных от бомбежек и обстрелов домов. Пришли к своему дому, по прежнему развалины – это результат первой бомбежки 6 сентября 1941 года. Во дворе большая гора кирпичей, к этому прибавилась помойка, поросшая травой, там обитали крысы. Поднимаемся на 5 этаж, звоним. Открывают дверь новые жильцы. В квартире живут три семьи. Одна большая семья Ивановых – 7 человек в двух комнатах – они из разрушенного дома. Проводница Мария Конькова. И еще одна женщина с сыном. Все готовят на керосинках и примусах, отапливают дровами или торфяными брикетами. Водопровод работает.

В нашей комнате почти нет мебели, стол и железные кровати, остальное сожгли в блокаду. Пыль и запустение. Чтобы для начала что-то сварить выбирали старые книги, разжигали плиту в кухне, кипятили чайник. Дядя Борис, через несколько дней получив увольнительную, пришел нас навестить и чем-то помочь. Первым делом надо оформить прописку и получить карточки. Навели относительный порядок, разобрали вещи и книги. Работал Мальцевский рынок, мы пошли туда купить что-нибудь из овощей. Денег было не много, поэтому мы стали продавать книги.

Лиза устроилась на работу по специальности – преподавателем английского языка. Меня записали в школу №189 прямо напротив дома, около кинотеатра «Спартак».

Как-то я решила вытереть пыль во всех укромных местах, залезла под стол, просунула руку под крышку стола, где ввинчиваются ножки, и вытащила из этого потайного места билеты на елку. Погружаюсь в воспоминания. Еще до войны папа принес билеты на елку с подарками, и отдал их мне, чтобы я надежно их спрятала. Я так и поступила, спрятала основательно, но забыла куда именно. Старательные поиски были без результата. И вот спустя пять лет билеты нашлись.

Лиза стала искать знакомых и родственников. Обнаружились старинные друзья семьи из Гусино Великовские – мать (бабушкина ровесница) и две дочери (подруги моей мамы).

Иногда ходили на Кронверкскую к жене Бориса, познакомились с его сыновьями – Рудиком 4 – 5-ти лет и совсем маленьким Аликом. Валя была очень добрая и приветливая женщина, но Борис вскорости создал новую семью.

Нашей соседкой по квартире была Мария Конькова, которая работала проводницей на Московском вокзале, она согласилась привозить нам посылки, которые Бэла приносила в Москве к поезду. Бэла работала в министерстве, это давало возможность прикрепить карточки к хорошим магазинам. Это здорово помогало с едой и нам.

Я пошла в пятый класс, состоящий из девочек, вернувшихся из эвакуации. Мы, конечно, вначале отставали от тех, кто все четыре года учились в Ленинграде, но потом сравнялись. С некоторыми я проучилась до окончания школы и общалась всю жизнь. Галя Воловик была хорошим организатором культпоходов в кинотеатр «Спартак», и мы часто смотрели все новые фильмы. Еще Галя умела играть на пианино собачий вальс, и мы танцевали на переменах в зале.

Мне очень нравилась одна девочка – Полонская, очень милая. Я как-то была у нее дома и поразились и комнатой, и обилием книг, и самим домом на углу Литейного и Рылеева. Она дала мне почитать «Робинзона Крузо». У Гали Воловик тоже было много книг, мне особенно нравилось читать книги Чарской и рассматривать тома «Жизнь животных» Брена. Галя Гутина жила в соседнем доме, мы часто гуляли с ней после уроков и рассуждали на всякие темы как бы научные, но это было немного позднее.

В школе организовали кружок танцев, мне страшно нравилось танцевать. В нашем классе ночью рухнул большой кусок потолка, администрация запретила заниматься, боясь новых обрушений. Мы стали бродячим классом, каждый урок искали свободный кабинет, это оказалось даже интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.